

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040

Е. А. Шаталов*

Договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XV вв. как источник познания истории развития отечественного уголовного права

Аннотация. В статье рассматривается ценность докончальных грамот русских великих и удельных князей XIV–XV вв. для отечественной историко-юридической науки. В период феодальной раздробленности эти грамоты были одними из важнейших источников уголовного права средневековой Руси. Именно в них законодательно закреплялись фундаментальные уголовно-правовые термины, основные составы преступлений: «свада», «рубж», «вывод» и т.д., до сих пор не получившие надлежащей научной оценки и освещения. Проблема их слабой изученности порождает в современной науке истории отечественного государства и права заблуждения о том, что преступное деяние вплоть до разработки Судебника 1497 г. в русском законодательстве было обозначено только термином «обида».

В статье автор заостряет внимание и на закономерностях развития княжеской правотворческой деятельности под влиянием норм канонического права, что было характерной особенностью средневековой Руси, где не существовало деления общественных отношений на «светские» и «церковные», как это принято утверждать и рассматривать в науке, поскольку княжеское право, в том числе в вопросах преступления и наказания, всецело отражало духовно-религиозные ценности общества и не должно было им противоречить, а административная деятельность князей была повсеместно подчинена церковным канонам.

Ключевые слова: грамота; право средневековой Руси и его источники; история отечественного уголовного права; история государства и права; историко-юридическая наука и источники ее познания; княжеская власть в период феодальной раздробленности; формирование централизованного государства на Руси; проблемы истории отечественного государства и права; преступление и наказание в русском средневековом законодательстве.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XV вв. как источник познания истории развития отечественного уголовного права // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 33–40. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040.

© Шаталов Е. А., 2023

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Россия, 630102
penalize@rambler.ru

Contract Charters of Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th Centuries as a Source of Knowledge for the History of Russian Criminal Law Development

Evgeniy A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of the State and Law, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
6, Nizhegorodskaya St, Novosibirsk, Russia, 630102
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper examines the value of the contract charters of the Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th centuries for the national historical and legal science. During the period of feudal fragmentation, the charters formed one of the most important sources of criminal law in medieval Russia. It was the charters that enshrined the fundamental criminal law terms and elucidated the main elements of crimes, namely: «svada», «rubezh», «vyvod», etc., which have not yet been studied and described properly. The problem of their poor academic coverage gives rise to misconceptions in modern science of the history of the Russian state and law that a criminal act, up to the development of the Judicial Code in 1497, was designated in Russian legislation only by the term «obida [offense]».

The author focuses on the patterns of development of princely law-making activity under the influence of the norms of canon law, which was a characteristic feature of medieval Russia, where there was no division of public relations into «secular» and «ecclesiastical», as it is customary to assert and consider in scholarship, since princely law, also in matters of crime and punishment fully reflected the spiritual and religious values of society and should not contradict them, and the administrative activities of the princes were everywhere subordinated to church canons.

Keywords: charter; medieval Russian law and its sources; history of domestic criminal law; history of the state and law; historical and legal science and sources of its academic coverage; princely power during the period of feudal fragmentation; formation of a centralized state in Russia; problems of the history of the domestic state and law; crime and punishment in Russian medieval legislation.

Cite as: Shatalov EA. Contract Charters of Russian Grand and Appanage Princes of the 14th–15th Centuries as a Source of Knowledge for the History of Russian Criminal Law Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):33-40. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.033-040.

Один из выдающихся отечественных ученых-юристов Ф. В. Тарановский особо заострял внимание на том, что исследование конкретного периода в истории права должно начинаться с установления схемы его источников, выяснения их взаимоотношения, относительной силы, объема действия каждого из них¹.

Эти тезисы с методологической стороны вполне оправданны, поскольку созвучны с принципом всесторонности научного исследования, который, несомненно, должен являться некоторым базисом любого изыскания, претендующего на статус научного. Однако то, на чем настаивал вышеуказанный историк-юрист, вряд ли в полной мере стало руководящим прави-

лом для современных исследователей в области истории права и государства.

Даже скорее наоборот — отечественная историко-юридическая наука тенденциозно снизошла до тематического собирательства отдельных исторических фактов и выборочного, фрагментарного, а порой сугубо одномерного освещения материала.

Нередко в научной литературе, в том числе в монографических исследованиях по истории отечественного уголовного права, посвященных периоду Средневековья, из числа памятников в основном выделяются и популяризируются только наиболее крупные — ссудные грамоты, судебники и иные примеры комплексной систематизации законодательства. Многочисленные

¹ Тарановский Ф. В. История русского права / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. С. 2.

же грамоты князей, содержащие свидетельства «живого» права, активно применявшегося в регламентации достаточно широкого круга общественных отношений в период феодальной раздробленности, незаслуженно обойдены вниманием.

Об этом факте также писал Ф. В. Тарановский, подчеркивая, что договор являлся важнейшим источником права в период феодальной раздробленности, а не Русская Правда, как принято считать, но информация о них, указывает автор, к сожалению, наукой обычно замалчивается².

На особую значимость договорных грамот и их осмысления в рамках изучения истории русского права обращал внимание М. А. Дьяконов, акцентируя внимание на том, что они представляют собой богатейший материал о правовом положении княжеской власти, судопроизводстве, истоках для формирования последующего законодательства³.

По своей юридической природе dokonчальная (договорная) грамота — это нормативный договор, который заключался только между субъектами, наделенными политической властью, — великими и удельными князьями⁴, закреплял правовые нормы, регулировавшие многочисленные общественные отношения на территориях (вотчинах), находившихся под юрисдикцией договаривающихся сторон, как в эпоху феодальной раздробленности на Руси, так и в начальный период централизации государственной власти. Главным образом грамоты регламентировали порядок управления уделом, сбор пошлин и, конечно же, осуществление правосудия — одной из важнейших функций княжеской власти⁵.

Акцентируем внимание на том факте, что принципиально значимые для рассмотрения судебных дел нормы уголовного и процессуального права впервые в истории отечественного

законодательства получили свою формализацию именно в текстах dokonчальных грамот. При этом они иногда были сходны по содержанию, а порой существенным образом отличались от норм, закрепленных в последующих великокняжеских сводах законов и уставных грамотах.

Но их важность для науки не исчерпывается только этим фактом. Правовые предписания судебныхников и других законодательных актов, на изучение которых делают ставку современные историки права, не все и не всегда воплощались в жизнь, особенно на местах, где существовали свои обычаи и порядки⁶. Исполнение же норм договорных грамот контролировали лично монархи, поскольку исполнение взятых на себя обязательств для них было делом чести и, конечно же, обязательством перед богом, поскольку заключение грамот в обязательном порядке сопровождалось произнесением клятвы, целованием креста и иных христианских реликвий.

Несомненно, в этой части данные документы представляют огромную ценность для отечественной историко-юридической науки, хотя бы потому, что они содержат многочисленные понятия, указание на составы преступлений и наказания, выработанные длительной юридической практикой.

С точки зрения юридико-технических аспектов грамоты существенно отличаются от всех других нормативных документов, издаваемых в то время, поскольку имеют свою более или менее строго установленную структуру, набор правовых терминов, шаблонных фраз, юридических формул, которыми оперирует тот или иной князь, стилистику, порядок заверения, вступления в силу и т.д.

Главная ценность и информативность этих источников для науки истории государства и права

² Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 8–9.

³ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 204–205.

⁴ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 124.

⁵ См.: Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 280–288.

⁶ См.: Шаталов Е. А. Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 22–26.

состоит еще и в том, что, заключая договор, князья фиксировали в них реально действовавшие на их территории обычаи, традиции, правила судопроизводства и не обходили вниманием вопросы привлечения к ответственности и наказания виновных лиц за действия, которые порицались княжеской властью и обществом.

Неприемлемая форма поведения в обществе и одновременно противоправное деяние первоначально в грамотах, как и в Русской Правде, обозначаются термином «обида», однако в более поздних их вариантах иногда встречается термин «обидное дело»⁷. «...А не обидити...» — довольно часто подобное наставление закрепляется во многих редакциях докончальных грамот.

Постепенно, с развитием и совершенствованием договорной практики, в многочисленных грамотах к концу XIV в. наравне с термином «обида» появляются и другие понятия, обозначающие проступки, причиняющие вред общественным отношениям, например: «хитрость», «лихо», «ослушанья» и даже «пакость»⁸, которые законодатель порицает и в тексте документов противопоставляет другим словам, с противоположным значением, таким как «добро», «любовь» и «правда», которые с большой долей вероятности имели каноническую основу.

В данном случае можно провести аналогию с более ранними грамотами духовных лиц, где содержались похожие термины, используемые в том же контексте. В грамоте митрополита

Алексия на Червонный Яр 1360 г., адресованной достаточно широкому кругу лиц: боярам, баскакам, духовенству и мирянам, содержится воззвание о необходимости воздержания от совершения краж, грабежей и других преступлений, и здесь же мы видим наставление о том, чтобы все выше перечисленные субъекты имели «...любовь и мир друг к другу, правду...»⁹.

В докончальных грамотах содержатся нормы, которые предусматривают ответственность за преступления против как великокняжеской власти, так и власти удельных князей. В науке встречаются мнения о том, что подобные виды преступлений, посягающие на институты публичной власти, были впервые законодательно закреплены только в Псковской судной грамоте. Однако данные утверждения являются глубоко ошибочными.

Такой состав преступления, как «свада»¹⁰, упоминается в докончальной грамоте великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем заключенной между ними приблизительно в 1350–1351 гг. В ней было сказано, что если кто-либо умышленно предпримет действия для того, чтобы внести ссору, поссорить с целью порушить возникший между договаривающимися сторонами союз, то виновный должен быть подвергнут «по исправе», то есть суду смертной казни¹¹.

В этой же грамоте упоминается и такой состав преступления, как измена — крамола,

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. — Л., 1950. С. 63.

⁸ Этот термин содержится как в канонических источниках, так и в договорных грамотах князей того времени, означает одно и то же — деяние, причиняющее существенный вред. В Лаврентьевской летописи по этому поводу есть следующее выражение: «...велику пакость створиша, села пожгоша...». В Послании Белозерского монастыря игумена Кирилла Великому князю Василию Дмитриевичу (1399–1402 гг.) содержится порицание всякой преступной деятельности: «...не творить всемъ людемъ пакость...». Этот же термин встречается и в докончании великого князя Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром (1449 г.) и в Послании Митрополита Ионы (1454 г.): «...въ вотчинъ сына нашего Великого князя, пакостни какие не было...» См.: Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 22, 104; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 162; Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи С. 149.

⁹ Акты Исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. С. 3.

¹⁰ Свада — ссора. См.: Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин; под ред. акад. Б. Д. Грекова. М., Л., 1937. С. 313.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 11.

который гораздо позже будет закреплен в Судебнике Ивана III 1497 г.¹² Переход бояр и слуг от одного сюзерена к другому без согласия таковых отныне расценивался как измена и подлежал наказанию — лишению чина, титула, а также ответственность наравне с осужденным несли его дети и его супруга, которые лишались имущества и покровительства со стороны княжеской власти, а порой и жизни¹³.

В докончальной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (около 1367 г.) была предусмотрена ответственность за неисполнение распоряжений князей со стороны подвластных им бояр, слуг, воевод, которые должны были служить своим феодалам, как подчеркивалось в грамоте, «без ослушания»; виновных предписывалось, как за измену, наказывать смертной казнью¹⁴.

Здесь особо следует сказать, что это один из ярких и ранних в истории примеров закрепления в российском законодательстве ответственности за нарушение воли монарха в области служебных отношений и назначения смертной казни, еще до появления на Руси кодифицированного законодательства.

В грамотах упоминаются и некоторые имущественные преступления. Так, в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем речь идет о грабежах «...или что еси пограбил, или что у людей поимано...». При этом упоминаются простые виды грабежа (хищение имущества у людей) и отдельно в качестве квалифицированных видов выделяются хищение товара из повозок и лады. Законо-

датель не определяет меры наказания за эти деяния, поясняя, что все похищенное имущество должно быть возвращено потерпевшим через суд или через целование¹⁵.

В другой договорной грамоте, заключенной между великим князем Василием Дмитриевичем и великим князем рязанским Федором Олеговичем (1402 г.), виновных в совершении любого вида грабежа надлежало наказывать погребом¹⁶. В последующих договорных грамотах совершение грабежа, вероятно, влечет за собой наказание в виде лишения свободы в погреб.

По поводу значения термина «погреб» применительно к русскому праву в науке нет единого мнения. М. Ф. Владимирский-Буданов пишет, что термин «погреб» означает не наказание, а то, что виновное лицо, совершившее грабеж, освобождается от обязательства вернуть потерпевшей стороне похищенные вещи¹⁷.

Однако этим термином обозначен и вид наказания, который был известен и более ранним памятникам права. Например, подобная мера государственного принуждения упоминается еще в Договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г., где идет речь о недопустимости заключения должника именно в погреб (тюрьму)¹⁸.

В контексте характеристики имущественных преступлений следует особо остановиться и на договорной грамоте великого князя Юрия Дмитриевича с великим рязанским князем Иваном Федоровичем (1434 г.), где наравне с уже известными составами преступления, характерными для русского средневекового права: кража — татьба, разбой, и один из видов убийств — душегубство, законодательно закрепляется еще

¹² Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 года и 1555 (1550) года / Текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. Харьков, 1915. С. 2.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 12.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 21.

¹⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 26.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 54.

¹⁷ Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 2. Киев-СПб., 1887. С. 13.

¹⁸ О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом заключенном в 1270 году. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1855. С. 27.

два: «наездъ»¹⁹, который помещен в один ряд с разбоем, татьбой, и «рубейж», «...а рубейжника выдати по исправе» — подчеркивается в данном документе²⁰.

Рубейж как наказуемое деяние восходит к судебной, договорной практике Смоленского княжества, где он фрагментарно и в довольно казуистичной форме получил свое законодательное закрепление. В грамоте князя Федора Ростиславича о свободной торговле с Ригой 1284 г. говорится о том, что «гости»-иностранцы в землях, подпадающих под юрисдикцию договаривающихся сторон, могут свободно, без каких-либо ограничений передвигаться по их территории и никто не имеет права чинить им препятствие, «...а роубъжа не дъйти, ни намъ съебе в Смоленьске, ни вамъ в себе в Ризь...»²¹.

Данный состав правонарушения довольно часто упоминается и в последующих княжеских грамотах, заключаемых на иных территориях Руси, к примеру в договоре великого князя Василия Васильевича с князем Галицким Дмитрием Юрьевичем (1436 г.) и с великим князем рязанским (1447 г.)²², что, по нашему мнению, указывает на достаточно высокую степень общественной опасности и частоту совершения этого преступления.

В справочной литературе, посвященной изучению древнерусского языка, существует многообразие подходов к объяснению семантики термина «рубейж». В словаре И. И. Срезневского рубейж означает «насилие, насильственный захват, а также самовольную расправу». Но здесь же автор, апеллируя к докончальным грамотам,

поясняет, что «рубейжник» — это лицо, которое противоправно, самовольно ставит препятствия проходу или проезду по той или иной территории²³. Отсюда можно предположить, что данное преступление главным образом посягало именно на свободу личности, свободу передвижения и дополнительно, при квалифицированном виде преступления, это могли быть здоровье человека и иные блага.

Упоминание об одном из квалифицированных видов рубейжа содержится в докончальной грамоте великого князя Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем (1483 г.). Этим документом устанавливался особый запрет на совершение подобных деяний именно в отношении отдельных представителей верхушки феодального общества — князей и их детей: «...Рязанские за тот рубейж на нашу сторону... не вступати...», «...А вывода и рубейжа не замышляти»²⁴.

Вывод — еще один состав преступления, который законодательно закрепляется в означенной выше и в последующих редакциях княжеских грамот. Данный состав был известен судебной и договорной практике Северо-Западной Руси и конкретно Новгорода еще в XIII в.

«...Княже, людей не выводите въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородьской» — подобное наставление зафиксировано в договорной грамоте Новгорода с великим князем тверским Ярославом Ярославичем (1270 г.)²⁵.

Объективная сторона этого преступления состояла в совершении противоправного захвата территорий и принудительного переселе-

¹⁹ Квалификация грабежа, состоявшая в открытом истреблении чужого имущества. Данный состав преступления позже будет закреплен в ст. 10 Новгородской судной грамоты // *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 63.

²⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 83.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 6.

²² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 94, 145.

²³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1902. Т. 3. С. 179–181.

²⁴ *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 285–286.

²⁵ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 3.

ния проживавшего на ней населения²⁶. Де-юре первоначально запрет на совершение таких действий распространялся главным образом на князей, которые, видимо пользуясь своим положением и властью, вопреки местным порядкам и обычаям расширяли сферу своего влияния и размеры собственных уделов. Однако в грамотах князей XV в. данное деяние под угрозой ответственности запрещено совершать всем членам общества, без какого-либо исключения.

Об этом упоминается в докончании великого князя Ивана Васильевича с великим князем тверским Михаилом Борисовичем (1462–1464 гг.). В данном документе в категоричной форме указано: «А кто учинит рубеж или вывод и рубежника и выводщика по исправе выдати»²⁷. В документах не указана санкция за подобные деяния, а содержится лишь указание, что виновных лиц необходимо выдать на суд, общий суд, состоявший из представителей договаривающихся сторон.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, договорные грамоты являются уникальными документами, отражающими традиции, уклад жизни общества той эпохи, важнейшими научными источниками, позволяющими историку-юристу разглядеть отдельные стороны юридического быта средневекового общества, сформировать представление о карательной политике, претворяемой в жизнь на отдельных территориях Руси.

Во-вторых, именно грамоты являлись важнейшими источниками уголовного права в период феодальной раздробленности Руси, когда в условиях междоусобиц, серьезных противоречий и конкуренции, а тем более политической зависимости от Золотой Орды, установление единых для русских княжеств охранительных норм было абсолютно невозможно.

В-третьих, посредством грамот предпринимаются первые попытки законодательного закрепления уголовно-правовой терминологии, видов наиболее опасных для феодального строя деяний и мер ответственности за их совершение, выработанных в том числе княжеской судебной практикой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. — 613 с.
2. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. — М. : Типо-лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. — 730 с.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М. — Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. — 597 с.
4. *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — Изд. 2-е. — СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1908. — 527 с.
5. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М. : Спарк, 2001. — 119 с.
6. Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г. Е. Кочин ; под ред. акад. Б. Д. Грекова. — М., Л., 1937. — 487 с.
7. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 1 : Лаврентьевская и Троицкая летописи. — СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1846. — 297 с.
8. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета. — СПб., 1855. — 106 с.
9. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1867. — 426 с.

²⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1989. Т. 2. С. 238.

²⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 204.

10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. — Т. 2. — М., 1989. — 494 с.
11. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел : в 5 ч. — М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1813–1894.
12. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 3. — СПб. : Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1902. — 1018 с.
13. Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 года и 1555 (1550) года / Текст с указ. напеч. проф. М. Ключковым. — Харьков : Издание Историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета, 1915. — 51 с.
14. *Тарановский Ф. В.* История русского права / под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2004. — 272 с.
15. Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Ф. Владимирский-Буданов. — Вып. 2. — Киев — СПб. : Тип. С. В. Кульженко, 1887. — 248 с.
16. *Шаталов Е. А.* Основные проблемные аспекты научного исследования Судебника 1497 года: критический анализ // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 1.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akty Istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu. T. 1. — SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. — 613 s.
2. Belyaev I. D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatelstva. — M.: Tipo-lit. S. A. Petrovskogo i N. P. Panina, 1879. — 730 s.
3. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. — M. — L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1950. — 597 s.
4. Dyakonov M. Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi. — Izd. 2-e. — SPb.: Tip. A. G. Rozena, 1908. — 527 s.
5. Isaev M. A. Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: ot dogovorov s Vizantiey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva. — M.: Spark, 2001. — 119 s.
6. Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii / sost. G. E. Kochin; pod red. akad. B. D. Grekova. — M., L., 1937. — 487 s.
7. Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannoe po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoyu komissiey. T. 1: Lavrentevskaya i Troitskaya letopisi. — SPb.: Tip. Eduarda Pratsa, 1846. — 297 s.
8. Rassuzhdenie magistra gosudarstvennogo prava Ivana Andreevskogo, predstavlennoe v yuridicheskiy fakultet Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta. — SPb., 1855. — 106 s.
9. Sergeevich V. I. Veche i knyaz. Russkoe gosudarstvennoe ustroystvo i upravlenie vo vremena knyazey Ryurikovichyey. — M.: Tip. A. I. Mamontova, 1867. — 426 s.
10. Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. / gl. red. R. I. Avanesov. — Т. 2. — М., 1989. — 494 с.
11. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del: v 5 ch. — M.: Tip. N. S. Vsevolzhskogo, 1813–1894.
12. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevne-russkogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 3. — SPb.: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk, 1893–1902. — 1018 s.
13. Sudebniki Ioanna III i Ioanna IV 1497 goda i 1555 (1550) goda / Tekst s ukaz. napech. prof. M. Klochkovym. — Kharkov: Izdanie Istoriko-filologicheskogo fakulteta Imperatorskogo Kharkovskogo universiteta, 1915. — 51 s.
14. Taranovskiy F. V. Istoriya russkogo prava / pod red. i s predisloviem V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2004. — 272 s.
15. Khrestomatiya po istorii russkogo prava / sost. M. F. Vladimirskiy-Budanov. — Vyp. 2. — Kiev — SPb.: Tip. S. V. Kulzhenko, 1887. — 248 s.
16. Shatalov E. A. Osnovnye problemnye aspekty nauchnogo issledovaniya Sudebnika 1497 goda: kriticheskii analiz // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 1.